

Писатель — С. САЗОНТЬЕВ, Нада — Н. ПОТАПОВА,
Мартынов — А. ЖАРКОВ. Фото И. ЕФИМОВА

Н. ЛЕЙКИН

Ко времени

Премьера
Театра имени

М. Н. Ермоловой

спектакль по мотивам очерков

и страницам биографии

Валентина Овечкина.

ИЗ РАЗГОВОРОВ УСЛЫШАННЫХ ПЕРЕД ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ НОВОГО СПЕКТАКЛЯ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ М. Н. ЕРМОЛОВОЙ:

— Странно... Во всяком случае просто удивительно: как это до сих пор никому не приходило в голову вынести «Районные будни» на сцену?

— Действительно, счастливая мысль. Значит — время пришло...

...А самое первое впечатление этого театрального вечера — от программки спектакля. Она необычна и непривычна: большая развернутая листовка; одна сторона целиком занята факсимильным воспроизведением известной страницы от 28 октября 1917 года с «Декретом о земле», подписанным Председателем Совета Народных Комиссаров Владимиром Ульяновым-Лениным; на обороте — как всегда, название, авторы, действующие лица и исполнители, а сверху — красными курсивными буквами — «XXVII съезду КПСС посвящается».

Вот какую нить протягивает театр, какую устанавливает — логическую и закономерную — связь времен. От одного из первых ленинских исторических документов Октябрьской эпохи до важнейшего общественно-политического события сегодняшней жизни.

Ну что ж, знаменитые очерки Валентина Овечкина «Районные будни» и страницы биографии писателя, по мотивам которых молодой драматург Александр Буравский написал пьесу, а режиссер Валерий Фокин поставил спектакль «Говори...», очень хорошо отвечают такому ответственному и почетному назначению спектакля. И, конечно же, не торжественной парадностью, которой, как известно, никогда не было в писаниях Овечкина, а тем глубинным пониманием земли и крестьянского коллективистского — социалистического — труда на ней, что свойственно каждой его строке, всей его самоотверженной жизни. Хлебороба, писателя, коммуниста. И, наверное, самое главное: мотивы очерков Овечкина, хоть и вышли они более тридцати лет назад, его мысли из дневников и записных книжек напрямую соотносятся с днем нынешним. Ведь неостуженно живут в них истинно хозяйский подход к земле, к делу, истинно партийное отношение к человеку и тот дух обновления, те свежие ветры перемен к лучшему, что пронизывают все наше сегодняшнее бытие. Оттого так назревает зрительный зал на этом спектакле и так часто взрывается по его ходу аплодисментами.

Однако это трудный спектакль — и для его создателей, и для тех, кто его воспринимает. Почему? Потому что правда — а Овечкин никогда не писал ничего, кроме правды, — не бывает легкой. Тем более правда о положении на селе в те послевоенные годы, которые театр с безупречным историзмом изначально обозначает сюжетом кинохроники, помеченным июлем 1952-го.

Сам по себе сюжет этот безмятежно благополучен: волнами колышутся высокие хлеба, машины ведут жатву, звучит бодрый дикторский текст...

Но вот погаснет экран, и из наступившей темноты и тишины теперь уже непосредственно на сцене будут проступать иные картины жизни того времени. Районные будни. Те самые, что запечатлел в своих честных, исходящих исключительно из реальности, а не кино-

хроникерской конъюнктуры очерках Писатель, ставший одним из центральных героев спектакля и горячо любящийся в происходящие в нем события по праву как летописца, так и активного их участника.

И будет больно и горько всматриваться через «увеличивающее стекло» театра в холодную и яростную непреклонность громовержца Борзова (В. Еремичев), первого секретаря райкома с его неумолимым «Давай!», безжалостно ломающего людей, подрывающего их веру в свой труд, не желающего считаться с реальными колхозными нуждами и заботами ради успокоительных отчетов и победных рапортов и, что, может быть, самое страшное, искренне убежденного в своей якобы государственной правоте и правомочности; в изумленные, полные отчаяния очи заслуженной, отмеченной орденом хлеборобки Карповны (С. Павлова), отказывающейся понимать бездумное равнодушие Уполномоченного (Ю. Комаров), «улучшающего» районную сводку хлебопоставок за счет колхозного семенного зерна...

А когда Борзова снимут и уберут из района и новый первый секретарь райкома Мартынов (А. Жарков), единомышленник Писателя (С. Сазонтьев), обличившего «борзовщину» в своих опубликованных центральной печатью очерках, — когда Мартынов поедет по хозяйствам района, нам будет не менее больно и тревожно вслушиваться в его откровенные, вскрывающие тяжелые последствия «борзовщины» разговоры с Трактористами (Ю. Зайцев, Ю. Волков), Доярками (А. Назарова, И. Киселева, Т. Щукина); в пронзительный своей горькой исповедальной обыденностью рассказ бывшей жены Борзова Марьи Сергеевны (Т. Догилева), работающей в колхозе агрономом, о том, как разваливают хозяйство местные пьяницы, хапуги, подхалимы да и кое-кто из ублажаемых ими районных «деятелей»...

ИЗ РАЗГОВОРОВ УСЛЫШАННЫХ В АНТРАКТЕ:

— Ну, что скажете?

— А то, что театр проявил отменное гражданское мужество...

— Почему — театр? Овечкин! — когда писал и обнародовал свои «Районные будни». А вот что театр проявил, так это свою гражданскую страсть.

— Да, такой спектакль без страсти, без живой гражданской сопричастности не поставишь и не сыграешь...

...Но ведь страсть страсти — рознь. Крикливый надзвон, безысходное погружение в пучину и мрак «болеи, бед и обид» — тоже страсть.

Валерий Фокин сценически прочитывает сегодня Овечкина по-овечкински — мужественно, сурово, с подлинно гражданской мужественностью воссоздания на театральных подмостках трудностей, сложностей, противоречий, конфликтов определенного исторического времени. Недаром в спектакле — как его девиз и сверхзадача, естественно и победительно — звучит:

А всего много лучше

Не прожить назарняка —

Без чего? Без правды сущей,

Правды, прямо в душу бьющей,

Да была б она погуще,

Как бы ни была горька...

Прекрасные эти строки Твардовского произносятся, одержав первую победу над Борзовым, Писатель, Мартынов и его жена Нада (Н. Потапова). Произносятся хором, но не громко, а вполголоса, из самого сердца, обхватив друг друга за плечи, — как клятву и как залог своей кровной причастности к партии, к народу в не легкой, но бесспорно необходимой перестройке жизни по-новому.

Такое обнажение правды, «как бы ни была горька» она, — действительно. Потому даже в самых острых

своих коллизиях спектакль озарен надеждой и действенной волей. И высоким нравственным символом могущественной, неизбежно берущей верх над злом, над всяческими непорядками гласности живут в нем и как бы движут все действие два глагола в повелительном наклонении: «Говори...» и «Слушай!».

И еще один, очень важный для театра символ, материальный. Слово Хор в древнегреческой трагедии, разворачивающиеся на сцене события сопровождают и по-своему — то краткими репликами, то красноречивым безмолвием — комментируют, как они названы в перечне действующих лиц, Участники событий. Народ — мужчины, женщины, старые, молодые, некоторые с детьми. Время от времени они, тесно сгрудившись, медленно выходят из затемненной глубины сцены на передний план — все те, ради кого, во имя кого и вместе с кем живут, борются, негодуют, любят, страдают, радуются, побеждая в итогеном счете, такие люди, как Мартынов и Писатель.

Писатель в спектакле — это, конечно же, сам Овечкин. И не только потому, что зовут его Валентин Владимирович и что в сюжетную ткань вплетены конкретные факты биографии автора «Районных будней». С Сазонтьеву удается передать то, быть может, самое существенное в натуре Писателя, что ярко, огненно, самосжигающе кипело в душе его жизненного прототипа, — постоянное ощущение человеческой, гражданской, нравственной ответственности за окружающую его жизнь во всех ее проявлениях, больших и малых.

А Жарков в целом сильно, точно раскрывает совесть, одержимость, самозабвенную целеустремленность Мартынова. Но, пожалуй, стоит посоветовать талантливому актеру поубавить, особенно во второй части спектакля, некую нервическую суетливость, повышенную раздражительность своего героя. И не вытаскивать то и дело записную книжку в разговорах с людьми. Да, это прежде всего к нему, Мартынову, обращаются Писатель, Участники событий: «Слушай!». Но ведь они призывают именно слушать. А заносить в записную книжку свои мысли по поводу услышанного и увиденного Мартынов, вероятно, будет наедине с самим собой.

Зато как хорош, как проникнут сердечным теплом и светом Мартынов — Жарков в финальном эпизоде. Идет районная партийная конференция. Он с грустью смотрит на ораторов, уныло бубнящих «по бумажке», а потом, сочувственно, с пониманием выслушав язвительную реплику Писателя о собраниях, превращающихся в заранее отрепетированные скучные спектакли, вдруг подходит к трибуне, деликатно останавливает колхозницу, читающую текст, как оказывается, заготовленный ей еще в прошлом году, мягко, но настойчиво забирает у нее эту опустевшую шпаргалку и, заглядывая растерявшейся поначалу женщине прямо в глаза, добро улыбаясь, просит ее сказать, как она умеет, как хочет, о том, что наболело и что действительно волнует всех присутствующих на этой партконференции по ту и по эту сторону рамы. «Говори, — ласково, как к родному человеку, обращается он к доярке. — Говори...»

И, вторя ему, призывно и звонко раздается ясный голосок-колокольчик белоголового мальчонки из прильзвившейся в этот момент группы Участников событий: — Говори!.. Говори!..

На этой высокой и чистой ноте, в дорогом единении сцены и зрительного зала и завершается спектакль ермоловцев.

ИЗ РАЗГОВОРОВ УСЛЫШАННЫХ ВО ВРЕМЯ ТЕАТРАЛЬНОГО РАЗЪЕЗДА:

— Как все это ко времени, как актуально звучит...

— Настоящая публицистика не стареет...

— И как хорошо, как знаменательно, что эстафету от Овечкина приняли сегодня совсем еще молодые художники...

— К тому же Фокин этим спектаклем дебютирует здесь как главный режиссер...

— Достойное, многообещающее начало.